
Афанасий Рогин
Приходите через год!

Приходите через год!

Жанр произведения: Фантастика
Произведение написал автор BookBox Афанасий Рогин
Ссылка на публикацию

- Света, позвони своей тётке! - неожиданно для себя выпалил я, перешагнув порог собственной квартиры.

- Котик, ты бы свою кису поцеловал сначала! Мурр! - Жена прервала шинковку зелени и слепила губы бантиком, подставив их для поцелуя.

Чмокнув жену, я прошел в комнату и задумался: с чего мне вдруг приспичило напомнить жене о звонке этой кикиморы? Ведь даже мыслей таких не было!

Покупки, сделанные в супермаркете, перекочевали на стол, а это что? Я поднял выпавший из сумки листок бумаги и развернул. Ну конечно!

Уже на выходе из супермаркета я увидел маленький магазинчик с вывеской "Канцтовары".

А у меня, кстати, бумага закончилась, да и запас чернил надо пополнить. Или потом? Почесав затылок, я все-таки шагнул вовнутрь, столкнувшись в дверях с мужчиной с пачкой бумаги под мышкой и хмурым выражением лица.

Дело в том, что таким уж прямо писателем я себя не считаю, но хобби - поскрипеть пером у меня имеется. Причем люблю я это делать по-старинке: перьевой ручкой, по чистому, белому, бумажному листу.

Сидящий за прилавком очкарик неопределенного возраста привстал и вопросительно уставился на меня.

- Мне, пожалуйста пачку бумаги, - Я ткнул пальцем в лежащую на прилавке упаковку, - и пузырек чернил для ручки. Лучше синих.

- Да вы - эстет! - понимающе закивал очкарик и улыбнулся щербатым ртом. - Как я вас понимаю! Нет ничего лучше для вдохновения, чем доверять девственно чистому листу свои мысли именно с помощью пера и чернил! А это - что? Тьфу! - он помахал шариковой ручкой у меня перед носом и с презрением швырнул ее на прилавок. - Так писали Пушкин, Толстой, Достоевский! Написанные пером строки оживают и открывают читателю...

- Простите! - прервал я его монолог, взяв в руки упаковку с прилавка, - Я очень спешу, чернила принесите, пожалуйста!

Улыбка сразу испарилась с лица продавца. Он так резко выхватил у меня из рук бумагу, что порвалась обертка.

- Извините! - совсем неизвиняющимся тоном произнес очкарик и грохнул разорванной упаковкой о прилавок. - Но эта бумага для VIP-клиентов, а вам, как я понимаю, нужна обычная. Сейчас принесу.

Продавец распахнул дверь и скрылся в полумраке недр магазинчика.

- Чернила не забудьте! - прокричал я ему вслед под аккомпанемент звонка мобильника.

- Алло! - Я увидел на дисплее "Тетя Галя". - Не могу говорить! Я в метро! Тут не протолкнуться! - Для правдоподобия я изобразил на прилавке барабанную дробь.

- Игореша! Узнал? Света трубку не берет - занята наверно, - услышал я тетин голос. - Передай ей, чтобы мне позвонила!

- Хорошо! Все! Скажу-у-у-у! - Я неудачно попытался изобразить звук уходящего поезда, пнул пару раз прилавок для имитации стука колес и нажал отбой.

- Прекратите! - раздалось из полумрака. - Вы мне мешаете!

Приглядевшись, я увидел в глубине коридора открытую дверь какой-то каморки, стоящий в дверях стул и все время елозящую на нем задницу в белых брюках.

- Все-все! Простите! - Извинения оказались адресованы тому, что предстало моему взору. Я взял брошенную продавцом ручку, выдернул из порванной пачки листок бумаги и размашисто написал на нем: "Сказать Свете, чтобы позвонила своей тётке!". И свернутый вчетверо листок отправился в пакет с продуктами.

Вернувшийся хмурый продавец отодвинул в сторону VIP-бумагу и положил на ее место пачку обычной, поставив сверху пузырек с чернилами.

- У вас наличные или карта?

- Карта. А кто там такой нервный?

- Наш контингент - особенный! - Руки очкарика забегали по клавишам, и он протянул мне терминал. - VIP-бумагу используют в основном известные в определенных кругах персоны. Прикладывайте!

- И в каких кругах? - Я приложил к терминалу карту, но тот, пострекотав секунд десять, чек так и не выдал.

- Ой! Наверно лента закончилась, - растерянно сказал продавец. - Сейчас заправлю!

- Да ладно, хрен с ним, с чеком. - Я махнул рукой и переспросил. - Что за персоны? Ну вот, к примеру, этот. - И указал на белеющий в полумраке зад.

- Писатели, а этот вообще уникум: к нему, видите ли, его Муза приходит только в нашей кладовке. А она - маленькая и канцелярией забита под потолок, поэтому писатель целиком туда не помещается. Только стол там стоит, на нем он и творит.

- Круто! На столе с Музой творит?

- Вот вам смешно, - оттаявший было продавец, снова посерьезнел, - а эта дама его навещает перед самым закрытием магазина, и мне приходится вызывать охрану, чтобы очистить кладовку от этого служителя пера. Много раз слезно просил ему кожушок на пол бросить для ночевки, но у нас строго!

- Творческие люди - они все такие. - Я покрутил пальцем у виска. - Или есть нормальные?

- Может быть и есть, где-то, - с горечью и надеждой произнес очкарик. - Вот знаете такого... - он запнулся, с опаской огляделся и, перегнувшись через прилавок, что-то прошипел мне в ухо.

- Конечно! Человечище! - не расслышав, уверенным тоном заявил я. - И что?

- Он покупает VIP-упаковку, а дома выходит на балкон и орет: "Люди! Айда ко мне бухать!"

- И много желающих?

- Тьма! Запираются и пьют неделю и больше. Откуда бухло берут - неизвестно, но за стеклотарой, в основном из под водки, потом несколько машин пригоняют. С этой бумагой так нельзя, к ней с душой надой! Вынул листок из упаковки: все, у тебя времени - час, не больше! Заканчивается каждый год все одинаково: пробухав и израсходовав зазря всю бумагу, но так ничего и не родив, этот - такой весь из себя правильный, приходит сюда с претензией на брак и распускает руки. Видите?

Продавец приподнял очки: я углядел у него под правым глазом свежий фингал и уже пожелтевший - под левым.

- Оба - его работа?

- Нет, - Мой собеседник указал на левый глаз. - Это - тот, другой, вечно всем и вся недовольный. Требовал, чтобы я кому попало Vip-бумагу не продавал: он не намерен потом кланяться графоманам, коими являются практически все, кроме него, за редким исключением. Я согласился и сделал реверанс, чтобы сгладить углы, за что и получил в глаз.

- Контингент - точно особенный! Это - да! Сочувствую.

- Вы меня понимаете? - Очкарик с надеждой посмотрел мне в глаза: видимо ему очень захотелось выговориться. - А вот еще... - он вздрогнул и дошептал мне на

ухо остаток фразы.

- Ну-у, величина мирового значения! - Кивнул я, опять ничего не разобрав.

- Истинный созидатель! Но, создавая очередной шедевр, входит в раж настолько, что не успевает опомниться, а бумага тю-тю - закончилась! Нужен был рассказ, а там материала на пару романов!

- Здорово! - позавидовал я. - А куда излишки девает?

- Подходит к окну, начинает сдувать и вытряхивать их из написанной страницы. Год назад кучу железяк под окно насыпал: довольные бомжи все в лом сдали. А недавно совсем: прямо полицейскому на фуражку куча говна - шлеп!

- Неужто привлекли его?

- Нет, - покачал головой собеседник, - отмазался. Говну тест ДНК сделали: оно чужим оказалось, и чуть ли ни внеземного происхождения. А обосранная полицейская фуражка теперь у уфологов в драку!

- Значит, пользуется спросом бумага? А тот, заведенный, с кем я при входе столкнулся?

- Этот - почти нормальный, но бумагу он использует странно: пропускает ее через шредер, скручивает обрезки в спирали и набивает ими свою подушку. Что им движет - загадка.

- А если самого спросить?

- Спрашивали! Уклончиво отвечает, что подушка транслирует в мозг очертания нового детектива, где сюжет закручен до предела!

За разговором продавец заправил кассовую ленту в терминал, выдал мне копию чека, и мы с ним распрощались.

- Котик! - Жена с лукавой улыбкой на лице прервала мои воспоминания. - Я спущусь к Маринке поболтать? Обещаю недолго! На плите суп, укроп с

петрушкой я порезала, не забудь в тарелку закинуть!

Врет! Часа на два точно! Соседка Марина такие торты печет - пальчики оближешь, а потом обе на поплывшую фигуру жалуются.

- Давай! Дуй! Только точно недолго! - Задуманный мной эксперимент лучше было провести в одиночестве и выяснить, почему мой язык сказал то, что выветрилось из головы.

После того, как за женой захлопнулась дверь, я положил бумагу на стол и разгладил ладонями. Надо бы написать на ней что-то такое, особенное! Чтобы буквы оживали, как говорил очкарик.

Не успел я подумать об этом, как на бумажном листе пошла движуха! Написанная мной еще в магазине фраза разделилась на слова, которые стали подобно червям шустро расползаться в разные стороны. Сняв тапку, я начал лупцевать ей по столу, пока от червяков не остались лишь синие пятнышки на скатерти.

Вот это да! Работает!

Окрыленный своим открытием я рассудил: если у кого-то получается водку с какашками материлизовать, то чем я хуже? Достав из нагрудного кармана свой Parker, я написал на листке "бутылка вискаря" и торжественно потряс им над столом. Пусто!

Чего только я ни делал с упрямой бумажкой, чтобы получить желаемое: тряс, дул и даже охаживал тапкой. Безрезультатно!

Что там говорил очкарик? Надо с душой! Это мы можем! Чуть подумав, я аккуратно вывел на бумаге "запотевшая бутылка превосходного гаитянского рома, истекающая слезой конденсата" и без особой надежды встряхнул лист.

Выскользнувшая из него посудина грохнулась на пол и разбилась, повергнув меня в изумление и разочарование. Я тупо смотрел на ромовую лужу и осколки бутылки с негром на этикетке. И тут мне показалось, что тот издевательски улыбнулся.

"Ах так! - Вспылил я, мысленно обращаясь к злосчастной бумажке, и сделал совершенно нелогичный вывод. - Негров, значит, подавай? Будут тебе негры!"

Я мигом набросал "пропахший и просоленный потом веками угнетаемых американских негров миллион баксов десятками и двадцатками " и яростно взмахнул рукой с зажатым в ней листом бумаги.

Получилось, но не совсем: вылетело всего с десяток замызганных купюр, вонь от которых моментально заполнила все углы комнаты.

"А еще говорят, что деньги не пахнут!" - Зажав нос, я метнулся к балкону и распахнул дверь, чтобы проветрить комнату и избавиться от тошнотворного запаха, а затем запихал банкноты в полиэтиленовый пакет. В пакете оказался чек, который выдал мне очкарик: со времени покупки прошло пятьдесят девять минут.

"Времени - всего час!" - вспомнил я слова продавца. Вот ведь непруха - пары-тройки секунд не хватило! Срочно в магазин! Порванная упаковка еще осталась, и надо успеть ее купить! Это - мой шанс вырваться из литературного небытия, и нельзя его упускать!

Решив все же пообедать, я зашел на кухню. Моему взору предстала разделочная доска: на ней, вместо нарезанной женой зелени, лежал толстенный синий червяк, в котором я узнал удравшее со стола слово "тётке!", написанное моей рукой. Червяк помахал хвостом из восклицательного знака, вылупился на меня глазами-точками, торчавшими из буквы "е", и смачно рыгнул. После нескольких ударов тапкой от "тётки", посягнувшей на зелень, на доске осталась лишь жирная, синяя, чернильная клякса.

Вернувшись в магазинчик, я впервые взглянул на бейджик продавца.

- Кирилл, еще раз здравствуйте! Я хочу купить бумагу, о которой вы мне рассказывали.

- К сожалению, это - последняя упаковка и она уже продана, - рассеянно ответил тот, оглянувшись на коридор, из которого доносились шум и крики.

Там кто-то уже зажег свет, и я смог ясно рассмотреть полуодетую блондинку и двух переругивающихся мужчин. Один был одет в строгий серый костюм, а гардероб второго состоял из все время спадающих цветастых трусов.

- Я-то мыслю, где эту фифу ходит? - орал, выпучив глаза мужчина в костюме. - А она, ой-вей, полирует мине уши, шо туточки как бы и не сама, а ее!

- Ей выбирать, к кому приходить, а кого бортовать! - резонно отвечал ему другой, круговыми движениями подтянув свой единственный предмет одежды.

- Бездарь!

- Пошел на ... !

- Строчкогон!

- Пошел на ... !

- Шлимазл!

"Костюм" продолжал кидаться оскорблениями в "трусы", получая на каждое из них одинаковый ответ с непонятным, но неприлично звучащим на разные лады словом в конце.

- Прямо сюрреализм какой-то! - оценил я их пикировку и спросил продавца. - А что тут собственно происходит?

- Сам не понимаю! - Очкарик пустился в разъяснения, - Один зачем-то заперся в кладовке, а через минуту пришел второй, в костюме, выломал там дверь и застукал в кладовой первого, да еще и с женщиной. Интересно, откуда она там взялась?

- Мальчики! - блондинка визгливым форте прервала мужскую междоусобицу. - Ну ведь взрослые же люди! Лично мне не впервой сталкиваться с моральными и этическими дилеммами. Неужели наш объединенный интеллект не подскажет выход из создавшейся пикантной ситуации?

И вся троица, пошептавшись между собой и приведя свой вид в должный, покинула помещение, прихватив с собой последнюю упаковку так необходимой мне бумаги.

- Неужели, действительно последняя? - жалостливым голосом спросил я продавца и достал из пакета ворох слипшихся, засаленных банкнот, запах которых немедленно разнесся по всему помещению, - Я заплачу!

- Увы! - Поморщив нос, очкарик развел руками. - Бумагу нам привозят раз в год: у всех этих писак одновременно начинается какое-то обострение. Так что, приходите через год! И уберите свои грязные деньги!